

Н. А. Лямина

“Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех на все четыре года”..

(К. Симонов, 1971 г.)

“ЕСТЬ В ПАМЯТИ МГНОВЕНИЯ ВОЙНЫ”

**(По страницам неопубликованных
воспоминаний барнаульцев)***

К 60-летию начала Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг.

Слово “память”, как определил В. Даль, означает “свойство души хранить и помнить сознание о былом”.

Авторы воспоминаний, использованных в данной публикации, живут в настоящее время в Барнауле. По возрасту, роду занятий, социальному положению они разные люди. И на момент начала войны все они жили в разных областях нашей страны, многие далеко за пределами Алтайского края. Но в том и заключается ценность их воспоминаний, что через их восприятие того трагического времени мы наглядно представляем себе весь драматизм минувшей войны: от первых приграничных боев и вынужденного отступления до великого напряжения тыла, каковым являлся Алтайский край. Сколько их еще осталось? Ведь самому молодому из тех, кто пережил ту войну, далеко за шестьдесят.

Война всегда была страшным испытанием, великим потрясением для людей, часто находившихся на грани смерти, на пределе человеческих возможностей.

К публикации представлены фрагменты воспоминаний тех, кто с самого начала Великой Отечественной войны стал в боевой строй, чтобы отразить натиск фашистских агрессоров, тех, кто был очевидцем временной оккупации наших городов, кто покидал родные места и уезжал в эвакуацию в глубокий тыл.

Дни и месяцы первого года войны тылового Алтая в воспоминаниях коренных жителей края это мобилизация, первые эшелоны с оборудованием демонтированных заводов, размещение эвакуированных граждан, формирование воинских соединений для фронта. Это также всеобщая бедность, скудное питание, физические сверхнагрузки.

22 июня 1941 года... Даже спустя шесть десятилетий эта скорбная дата отзывается болью в сердце каждого из нас. Именно с нее начался отсчет потерь в самой кровопролитной из войн минувшего века. И мы, как никто, обязаны хранить память о всех страницах Отечества славных и горьких. Вряд ли кто может запомнить дату 22 июня 1941 г. Нет у нас на это права.

Воспоминания барнаульцев собраны в ходе акции «Есть в памяти мгновения войны», посвященной 60-ю начала Великой Отечественной войны, в 2001 г.

Итак, говорят очевидцы.
(Стиль и орфография сохранены)

Рыбас Валентина Константиновна,
1938 г р., украинка

“Помню сильный стук в окно, крик заплаканной женщины – так для меня началась война. Это было днем 22 июня, а 23 июня уже бомбили вокзал г. Мелитополя – там нас застала война. Я родилась 22 апреля 1938 и, следовательно, мне было 3 года и 2 месяца.

Еще помню серо-свинцовое небо, низко летящий такого же цвета самолет. Из него вдруг посыпались листовки, много-много. Как потом рассказывала мама, в них были призывы не оказывать сопротивления. Это был первый самолет в моей жизни.

[...] Очень хорошо запомнила день 13 октября 1941 г. В этот день немцы заняли Мелитополь. Я до сих боюсь мотоциклов, так как на них передовые части немцев врываются в город, поливая из автоматов огнем во все стороны.

[...] До сих пор не могу слышать немецкую речь, всегда выключаю радио, когда идет передача на немецком языке (по субботам).

[...] Отец был кадровым рабочим, строил комбинат огнеупорных изделий в г. Часов Яр Донецкой области, затем какой-то завод в г. Лебедин Сумской области (там родилась я), потом его перевели в Мелитополь, где он строил аэродром. Его не успели уничтожить, и фашисты с него бомбили наши войска. Отцу предложили эвакуировать семью в тыл, но он сказал маме: “Сиди в своей хате, что бог даст, куда ехать с двумя малыми детьми!” Моей старшей сестре было 5,5 лет.

[...] У нас была собака Рекс. Он часто бегал на аэродром, там была немецкая летная столовая. Рекс приносил иногда грязные зацветшие куски хлеба (сам там наедался) и зарывал их в землю. Мы с сестрой следили за ним, отрывали этот хлеб и ели. Не помню, в чем ходила сестра, но я до семи лет, пока не пришел отец, ходила летом голая, прикрывая стыд какой-то тряпкой”

Ковязин Николай Геннадьевич, 1921 г. р.,
барнаулец. 15 апреля 1941 г. призван в
армию. Служил в Киевском военном
округе в противотанковом дивизионе
(4 км от границы)

[...] В конце мая 1941 г. принял присягу. Подготовка к войне в дивизионе была усиленной. На воскресенье, 22 июня, была запланирована поездка в г. Дрогобыч в театр (75 км от воинской части). Рано утром, еще не было 4-х часов, услышали гром. Погода тогда стояла дождливая, и особенно часто шел дождь по воскресеньям. Поэтому, услышав раскаты грома, многие решили, что поездка в театр не состоится. Вскоре объявили боевую тревогу, выдали каски и противогазы. Один из сержантов заметил, что каски боевые выдают обычно только на парад, а противогазы – только на случай войны. Значит, война...

[...] Наш дивизион направился к границе. Там шел бой. Пограничники помогли нам установить орудия и продолжали вести бой. Появилась цепь наступающих на позиции дивизиона немецких солдат. Они были пьяны, в белых перчатках, с засученными по локоть рукавами, с автоматами. Затем пошли танки. На их пути стояли 18 наших орудий. Атаки немецких танков мы сдерживали в течение целого дня. За 9 часов боя мой расчет выпустил 75 снарядов, подбил 3 танка. В этот же день замполит, устроившись в бронированной кабине трактора “Комсомолец”, выпустил “Боевой листок”

Вечером приказ по дивизиону: орудия к трактору, расчет на “Комсомолец” и отход от границы вглубь страны....

Попов Григорий Михайлович, 1921 г. р.
Уроженец с. Повалиха Первомайского района. В сентябре 1940 г. призван в армию Новоалтайским райвоенкоматом. Служил в отдельной роте связи Могилев-Подольского укрепрайона

“Утром в воскресный день, 22 июня 1941 г., в части было разрешено даже солдатам увольнение в город Могилев-Подольский, но всех немедленно вернули в часть. В полдень по радио было сообщено о начале войны. [...] Весть эта нас ужасно потрясла. На обед никто не пошел. Было какое-то душевное смятение. Сразу все учебное было заменено на боевое, открыты склады с вооружением и боеприпасами, все распределены по боевым постам. Мне в с. Сказинцы.

К вечеру был налет авиации фашистов. А у нас никаких противоздушных средств не было, кроме двух ручных пулеметов. Пулеметчики пытались стрелять по стервятникам, но это была только демаскировка. Они вторым заходом обстреляли наш телефонный узел, сбросили несколько мелких бомб и улетели.

[...] С утра следующего дня начались массированные атаки авиацией. Нашей авиации почти не было.

[...] Было очень страшно. Гражданское население устремилось по дорогам на восток, бежали, бросали все. Бои шли днем и ночью. Взорван мост через Днестр. Нам пятерым было поручено добраться до телефонного узла в г. Могилев-Подольском и взорвать его.

[...] В одни сутки, ночью, в Могилев-Подольске был взорван пороховой склад. Взрыв был колоссальной мощности. Я за всю войну не встречал такого взрыва: огненная лава взметнулась в воздух, земля расколосась пополам, а рвущиеся в воздухе патроны создавали массированный обстрел. Днем были взорваны два артиллерийских склада. Тоже кошмарное зрелище. А затем стали взрывать ДОТы. Характерно, что атакующая по 15-20 самолетов немецкая авиация не могла разрушить до конца ни одного ДОТа. Вот каково было укрепление границы на Днестре!”

[...] Из грозящего окружения выходили через ст. Вапрянка, которая была уже в огне. Вскоре вышли к южному Бугу. В реке страшное было зрелище: масса людей под минометным обстрелом врага. Сколько было тонущих при взрывах мин и обстрелах авиации!

[...] Проходя деревушки, измотанные летним зноем, голодные, лишенные всякого снабжения, смертельно уставшие, мы чувствовали горечь отступления, которая осталась у каждого из нас навек. Это такая страшная пытка! Мы же были воспитаны в любви к Родине, ее судьбе...

[...] Только в начале августа 1941 г. мы, связисты, группой в 15 человек, вошли в состав 5-й кавалерийской дивизии и сразу почувствовали какую-то стабильность и защиту. Стали кавалеристами до конца войны.

Казак Михаил Константинович, 1932 г. р.,
уроженец г. Белгорода

“22 июня, выходной. День был пасмурный, натягивало дождь, но было тепло. Радио дома не было включено. На улице возникла людская толпа. Озабоченные лица, негромкие разговоры, слово “война”... Кто-то слышал выступление Молотова, пересказывал его окружающим...

Белгород не особенно подвергался налетам авиации, зато Харьков бомбили основательно. За 80 км ночью были видны вспышки разрывов зенитных снарядов, лучи прожекторов. После первой массированной бомбардировки г. Белгорода начался грабеж и растаскивание складов и магазинов. На товарном дворе железнодорожной станции хранились мешки с мукой, крупами и другими продуктами. В поисках белой муки мешки вскрывались, рассыпались, мука перемешивалась с горохом, все затапывалось. Тащили все, что попадалось, включая зубной порошок...

Горел элеватор с зерном, взорвана центральная электростанция, железнодорожный вокзал. Ночью слышался гул моторов, уходила наша уцелевшая военная техника.

Первой в городе появилась немецкая разведка — два всадника в чужой форме, в пилотках непривычного вида. Затем послышался неясный шум, звяканье металла. Шум нарастал, превратился в топот множества ног и на перекресток вышла колонна чужих солдат в темно-серой зеленой форме с погонами, в пилотках. Солдаты были обвешаны амуницией: касками, цилиндрическими коробками с противогазами, на поясах висели тесаки в ножнах: за спиной — винтовки. Они шли устало, не глядя по сторонам. Сбоку колонны шел высокий белокурый немец с погонами и воротничком, обшитым серебряным галуном. На погонах были квадратные, серебристые звездочки. На левом кармане его френча висел черный крест с белой окантовкой. Пройдя немного вглубь квартала, фельдфебель подал команду и все враз остановились и рухнули на землю. Присели кто как мог, а один чужак пытался угнездиться на собственной каске как на ночной горшок. Это ему не удавалось и вызывало смех у окружающих. Потом прибывших солдат стали размещать по домам, устраивать их на ночлег. В нашем доме разместили шесть солдат во главе с унтер-офицером. В передней комнате на полу было разложено сено и накрыто брезентовым полотнищем. В комнату занесли оружие, в том числе ручной пулемет с металлической патронной лентой, а также личные вещи солдат...

Утром мы, несколько мальчишек, вышли в город, чтобы ознакомиться с обстановкой. Кое-где на улицах зияли воронки от бомб, висели оборванные провода, стояли брошенные телеги. Витрины магазинов были разбиты, рядом валялись испорченные, затоптанные в грязь остатки товаров.

В самом центре города, подходя к зданию военкомата, я увидел у крыльца станковый пулемет. Его ствол был направлен на запад. Возле него лежали какие-то серые мешки. Подойдя поближе, я увидел, что это тела убитых красноармейцев, одетых в новенькие шинели. На головах были новые темно-зеленые каски. Больше касок я не видел в течение всей войны. Неподалеку валялась трехлинейная винтовка с расщепленным некрашеным прикладом. Это были первые убитые, увиденные мною..."

Данилова (Акимова) Галина Васильевна,
1922 г. р. В 1940 г. окончила акушерско-фельдшерскую школу в г. Барнауле и до июня 1941 г. работала в больнице Локтевского зерносовхоза

"22 июня началась война, а 23 июня утром я уже выехала в г. Славгород. Там, на базе военного госпиталя был сформирован медико-санитарный батальон 178-й стрелковой дивизии. Дивизия кадровая, сформирована в 1939 г., поэтому после небольшой подготовки и учебы уже 29 июня выехала на фронт. Из эшелонов выгружались в районе г. Ржева Калининской области, откуда на машинах и маршем двинулись на передовую. 13 июля вступили в бой.

Я была старшей операционной сестрой, поэтому все раненые проходили через мои руки. Три раза попадали в окружение. А это страшно, когда знаешь, что кругом немцы и выберешься ли к своим неизвестно. Погибало очень много наших товарищей.

[...] Иногда нам помогали партизаны. Самым трудным было то, что некуда было девать раненых. Легко раненые оставались с нами, а тяжело раненых оставляли у жителей оккупированных территорий, хотя им за это грозила виселица или расстрел. Но люди все-таки оставляли их под видом родственников. Так продолжалось до декабря 1941 г.

[...] В Московском наступлении мы освобождали деревню за деревней, город за городом, но радость омрачало то, что вместо домов стояли одни трубы, а люди жили в землянках или погребах. Но все равно, они были дома и свободны!

[...] Самое страшное на войне - это дети. Сотни детей бродили по дорогам войны, потеряв дом и родных при бомбежках и обстрелах, или потому, что их родителей угнали в рабство в Германию. Много детей поступали к нам ранеными.

[...] После окончания войны меня направили в саперную бригаду разминировать город Нарву, где я была до 26 августа 1945 г. Награждена орденом Отечественной войны, орденом Красной Звезды, медалью "За боевые заслуги".

Мозгова Клавдия Петровна, 1911 г. р. В
Барнауле с 1937 г. В войну работала на
Барнаульском ВРЗ

"Летом 1941 г. мы с мужем ожидали второго ребенка. Первый день войны я хорошо помню. Вместе с заводскими ребятами мы ездили пароходом за Обь. А когда приплыли обратно, то из репродукторов, около которых толпилось много народа, мы услышали: Гитлер без предупреждения напал на нашу страну.

Уже на следующий день мужу пришла повестка, и он был отправлен на военную подготовку в Бердск. В августе я узнала, что подготовка закончена, и я засобиралась к мужу. Подружки и врачи уговаривали не ездить срок был слишком большой, но как я могла не поехать, ведь он отправлялся на фронт!

Встреча наша была короткой. В тот же день я возвращалась в Барнаул. На подъезде к Озеркам у меня начались схватки, и на барнаульский перрон я сошла уже с малюткой на руках...

Я работала в плановом отделе, но доводилось и загружать в вагоны снаряды по 32 кг каждый, и разгружать бревна, поэтому домой приходила поздно ночью. Но и там не отдыхала, а вышивала холщовые ковры, которые продавала на толкучке за 300 рублей. На эти деньги можно было купить ведро картошки или полкило сливочного масла. До сих пор благодарна женщине, которая приносила мне нитки со своей фабрики. Страшно даже подумать, что могло с ней случиться, если бы она попала с ними на проходной! По законам военного времени за это полагалась тюрьма, а то и высшая мера...

[...] Да, арестовать тогда могли запросто. Было очень много тайных агентов, которые прислушивались к любому маломальскому скоплению народа. Как-то у карты один мужчина показывал нам места отступления Советской армии, а на следующий день его арестовали. И только благодаря тому, что мы за него вступились, его с грехом пополам отпустили.

[...] Жили очень бедно. Новой одежды не видели всю войну. На заводе кормили жидким супчиком, а дома еды вообще не было. Выручали только таюшки хлеба да картошка".

Крупин Геннадий Васильевич, 1925 г. р.,
барнаулец

“Я родился в Барнауле на ул. Фомина, 65. Закончил семь классов в Затоне. Отец работал там котельщиком на судоремонтном заводе. В 1941 г. сюда пришел работать и я. Через четыре месяца мне присвоили разряд, и я со взрослыми делал корпуса для мин и детали для пароходов.

По Оби ходили пассажирские пароходы “Дзержинский”, “Тихонов” (в честь революционера, учителя Затона Тихонова, погибшего во время белочешского мятежа), “Хохряков” (революционный петроградский матрос). “КИМ” (коммунистический интернационал молодежи), “Пролетарий”, “Комсомолец”, “К. Маркс”, “Дрокин” (барнаульский революционер, расстрелянный в Дунькиной роще). Все они возили военные грузы для отправки на фронт, а также призванных на фронт солдат из сел, расположенных вдоль берега Оби.

[...] На фронт меня призвали только 27 января 1943 г...

Ячин Сергей Степанович, 1930 г. р., уроженец с. Тогул, кандидат исторических наук

“Первый день войны связан с моей жизнью с пребыванием в пионерском лагере в Шумихе. Утром пионеры ушли на берег реки Тогул. Игры были в разгаре, когда прибежал из лагеря дежурный с просьбой руководителей лагеря всем прибыть срочно на митинг к сельскому Совету. На митинге перед жителями села выступила председатель Шумихинского сельсовета Дьякова. Она получила телефонное сообщение и рассказала о нападении фашистской Германии на нашу страну.

В этот же день в лагерь стали приезжать за детьми. За мной приехал брат Павел. За неделю до войны ему исполнилось 17 лет.

В Тогуле прошли первые проводы мобилизованных в армию. Шеренги призванных на защиту страны выстроились на Ярмарочной улице около военкомата. Толпы провожающих...

[...] Старший брат уехал на фронт из Омска в августе 1942 г., погиб в Сталинграде. Из Тогула в 1942-1943 гг. мне пришлось провожать в числе курсантов Ленинградской артиллерийской школы, находившейся в эвакуации в Тогуле, братьев Михаила и Владимира. 25 октября 1943 г. проводили на фронт отца Степана Васильевича Ячина. Я долго бежал за подводой и махал вслед рукой. Потом вернулся к убитой горем матери.

Погиб отец 20 февраля 1944 г. на Винницком направлении. Целый день после получения похоронки я просидел на крыше бани, пряча “мужские” слезы и шептал:

“Спи спокойно, отец мой родимый,

Только знай, что победа придет!

И, кровью твоей обогрянная,

Родная земля зацветет”

Мне представлялось, как отец участвует в атаке на позиции фашистов. Рука карандашом на измятом листочке выводила новые стихотворные строки:

“С утра канонада гремела,

Снаряды взрывали бетон,

На штурм обороны фашистской

Отец мой с бойцами пошел”

Мне было 14 лет.

[...] Вслед за похоронкой мать получила еще одно сообщение от 10 мая 1944 г. Начальник штаба майор Семяновский писал, что Ячин Степан

Васильевич имел особое задание по топовычислительной работе на переднем крае обороны и погиб 20 февраля.

Квасов Иван Андреевич,
1904-1993. Полковник-инженер, на
Алтае с 1960 г. Воспоминания пере-
даны в музей родственниками в мае
2001 г.

“Моя жизнь и работа были связаны с военно-морским флотом с 1930 г., когда после окончания института был призван на действительную военную службу на флот Краснознаменный Балтийский.

[...] Войну начал в составе Инженерного управления Балтийского флота в звании военного инженера 3-го ранга (капитан-инженер).

10 июля 1941 г. получил назначение руководить одним из участников строительства рубежа обороны на ближних подступах к Ленинграду Пулковско-Дудергоф Красное Село Южный берег Финского залива и Гатчины. Это был последний оборонительный рубеж перед городом, далее оборона строилась уже внутри города.

На строительстве работало не менее полумиллиона ленинградцев, в основном женщины и школьники старших классов. Работы велись круглосуточно, благо было время так называемых белых ленинградских ночей, когда солнце уходит за горизонт не более чем на один час и вечерняя заря встречается с утренней.

Сохранилась в памяти такая впечатляющая картина: огромная масса людей копошилась, как в муравейнике. [...] В небе время от времени появлялись немецкие самолеты-разведчики. Они, должно быть, фотографировали нас. Налетали бомбардировщики, бомбили. Были жертвы убитые, раненые. [...] У нас не было прикрытия, защиты от авиации противника ни воздушной, ни зенитно-артиллерийской, и он действовал безнаказанно. Иногда с самолетов немцы сбрасывали листовки. Запомнились слова из некоторых: “...русские войска разбиты. Армия фюрера подходит к Петербургу (так немцы называли Ленинград). Бейте коммунистов, офицеров, бросайте работу, расходитесь по домам...” Или вот такие вульгарные и циничные: “Русские дамочки, бросайте копать ямочки, придут наши таночки (танки), зароят вас в эти ямочки...”, женщины читали и смеялись.

[...] Моральный дух ленинградцев был еще высок. Шел июль-август 1941 г. Не знали, не ведали тогда ленинградцы, что в самом недалеком будущем, совсем скоро, через 2-3 месяца на их долю выпадут тяжелейшие испытания, лишения и великие муки голод, холод, бомбежки, обстрелы, пожары и медленное мучительное умирание многих и многих тысяч ленинградцев...”